

За строкой «ветхого завета»

«Взялись мы, работники окружного исполкома, за эту работу, во-первых, для того, чтобы дать рабочему и крестьянину нашего округа возможно короткий, исчерпывающе понятный и отвечающий на политические вопросы отчет и, во-вторых, при подведении итогов (а следовательно, переваривании всего материала) нам самим выявить свои ошибки».

ТАК ПИСАЛИ в 1926 году 27 авторов отчета (не безымянного, а с указанием всех фамилий) окружного исполкома и Свердловского горсовета, готовясь к отчетной, а затем и выборной кампании (сельсоветы, районы и окружной съезд). Он был напечатан в типографии «Гранит» под названием «Свердловский округ в 1925—26 гг.». По размерам территории Свердловский округ занимал девятое место в обширной Уральской области.

Зачем вдруг понадобилось через 65 лет ворошить какой-то старый отчет? А вот

зачем. На сессии нашего горсовета впервые за много лет депутаты нового созыва поставили вопрос так: отчет исполкома подготовить загодя, чтобы до обсуждения на сессии осталось много времени. Они хотят выкинуть в подробности выполнения планов и расходования бюджета. Это важно, с одной стороны, потому, что в Совете много новичков, не имеющих достаточно глубокого представления о пружинах экономической жизни города. С другой — депутаты скорее задумаются не только над тем, куда деньги потратить, но и над тем, откуда их взять. Годами ведь как было? Выслушав доклад с попыткой анализа, узнав размер дефицита бюджета, равнодушно голосовали. Как-нибудь город заткнет бюджетные дыры, исполком найдет выход. Больше так не хочется.

А еще старая книжечка наталкивает на размышления: неужели история повторяется? Ибо, пройдя не одну спираль

диалектического развития, экономика области стоит в какой-то степени перед теми же проблемами, что и 65 лет назад. Итак, что же представлял из себя в ту пору округ, включающий в себя и Первоуральский район?

Был он промышленным, где около 53 процентов жителей (без г. Свердловска) относилось к категории бывшего горно-заводского населения, имея совершенно недостаточный пахотный надел. Прогноз был: все большее понижение удельного веса сельского хозяйства. Прогноз сбился, но благополучия нынешнему «горно-заводскому населению» это не принесло.

Промышленные предприятия были гройного подчинения — тресты общесоюзного и федеративного значения, тресты областного значения и объединения окружного значения. В почете, кроме традиционных, кирпичное производство, кожевенное и текстильное. Убыточных отраслей не было, хотя неритмичность внутри отдельных отраслей

наблюдалась. В горной промышленности «эксплуатация полезных ископаемых далеко не соответствовала естественным возможностям». Неисчерпаемой казалась уральская кладовая. Вывоз асбеста за границу считался блестящей удачей.

Предсказывалось развитие новых производств по обработке металла. В черной металлургии и медной промышленности ряд мощностей был передан в концессию акционерному обществу «Лена-Голдфилдс». На лесозаготовках не хватало рабочей силы, но опыт привлечения рабочих из центральных губерний был оценен как неудачный.

Из предприятий окружного значения 13 было сдано в аренду. Они выпускали дрожжи и конфеты (тогда еще писали — конфекты), колбасу и трикотаж, мыло и обои. За себестоимость, отклоняющуюся «от сметных предположений», не хвалили. Частная собственность, имевшая до того «совершенно ничтожное значение», в 1925 году проникла и в крупную промышленность. Концессионерам передано много рудников, металлургических заводов.

Кустарное производство процветало, в том числе и в Первоуральском районе, где насчитывалось 343 кустаря. Оно, пишут авторы, «не нуждается в посредническо-регулирующей деятельности» (т. е. подчиняется законам рынка).

Росли посевные площади под фуражными культурами. Гречиха, рожь и пшеница у себя выращивались. А вот огородничество было развито слабо, хотя и стояли огурцы и капуста дорого. Дело это считалось на Урале относительно новым и крестьяне «не имели надлежащих знаний».

Благоприятное развитие животноводства: конкурсы молочности, показательные кормления, выставки рогатого скота в Староуткинском и Михайловском районах с премированием лучших хозяев. Популярность пчеловодства, причем на пасеках не только рамочные ульи, но и колоды (кто их сейчас себе представляет?). Через Уралсельхозбанк население получало улучшенные семена. Вообще существовала целая система мер чтобы поощрять человека, ведущего хозяйство, побудить развивать его, не бояться новшеств, учиться. Наряду с частными хозяйствами и 148 сельско-

хозяйственными кооперативами существовало 40 колхозов. Пока еще не в форме «сплошной коллективизации», а в виде коммун, артелей и товариществ по обработке земли. Скот полностью обобществлен только в коммунах; в артелях и тозах — только рабочий скот; сенокосы не соединены. Уже почти все колхозы хрют в должниках, и ставка делается не на них — на кооперирование и культурное хозяйствование на земле. В ходу слово «кулак», но при исследовании классового расслоения деревни 27 авторов делают вывод, что не всякое зажиточное хозяйство — кулацкое. Но скоро голос этих людей не будет услышан...

Аренда земли — не новость сегодняшнего дня. Она была массовым явлением. Причем среди сдающих землю в аренду много бедняков, а зажиточные ее охотно арендуют. Существовало такое явление, как крестьянская общественная взаимопомощь. В сфере торговли на первом месте по числу патентов была частная, затем кооперативная и государственная (товарооборот же очень увеличился в кооперативной). Процветает в частной торговле спекуляция (и

сейчас она процветает, хотя частной торговли нет). На почве недостатка товаров повышаются розничные цены, их государство пытается сбить директивными методами. А как с Первоуральским райбюджетом? Оказывается, дефицит! Расходы вдвое больше доходов. Но зато сельсоветы нашего района имели прочную финансовую базу.

Налог и кредиты, деятельность банков (наш район в Уралсельхозбанке брал в 1926 году в кредит 21801 рубль на семена и сельхозинвентарь); занятость рабочих, зарплата и производительность труда (рост зарплаты обгоняет рост ПТ); безработица и биржи труда как мера борьбы с ней (на нашем заводе безработица была очень велика); охрана труда — все предается гласности, подробно анализируется.

«Видимая громоздкость нашего аппарата», содержание которого обходилось дешевле, чем до революции, действительно стала громоздкостью. Сократили тогда аппарат за год на 119 человек, но потом об этом забыли.

Понятно, что сегодняшний уровень народного образования и здравоохранения не сравнишь с тем, 1925—26 годов. Но

в этих сферах сегодня накопились свои проблемы, свои болезни. Большое количество детдомов вмещало в себя в основном сирот, беспризорников, а сейчас? Красные уголки и тогда не очень-то работали. Зато учитель был видной фигурой, носителем культуры и знания, особенно в деревне. А вот в Билимбае с больницей дело обстояло, видно, лучше, чем сейчас, — на ее ремонт деньги были даны из местного бюджета плюс «испрошен кредит у страхового совещания».

Рост преступности, раскрываемость преступлений — 70,3 процента. Муниципализированный жилищный фонд. Выборы в местные Советы. Развитие потребкооперации. Планы еще не поделены на пятилетние...

Е СЛИ ОГЛЯНУТЬСЯ в прошлое, увидишь корни многих нынешних явлений, негативных и позитивных. Что-то было предано забвению, что-то — деформировано. Не все слова, что звучат нынче с трибун, новы. Некоторые из них — лишь возврат к своему же опыту. К нему полезно возвращаться не только экономистам.

А. КИПРИАНОВА.